

УДК 81.25

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-34-40>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИДИОСТИЛЯ В. ПЕЛЕВИНА В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА «GENERATION „П“»

Владислав Владимирович Сидаш¹, Надежда Вадимовна Крицкая²

^{1,2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *vsidash@gmail.com*

² *nadia66@mail.ru*

Аннотация

Введение. Идиостиль – это система фактических и формальных характеристик, присущих произведениям конкретного автора и подлежащих обязательному воспроизведению в иноязычном переводе. Запоминающийся и узнаваемый идиостиль В. О. Пелевина является одной из причин всемирного успеха его романа «Generation „П“», переведенного на большинство европейских языков. Актуальность исследования определяется необходимостью сохранения в переводе индивидуального авторского стиля как принципиальной характеристики художественного текста.

Цель исследования – выявление способов воспроизведения индивидуального стиля В. О. Пелевина при переводе романа «Generation „П“» с русского языка на английский.

Материал и методы. Материалами исследования послужили оригинальный текст романа В. Пелевина «Generation „П“» и его перевод на английский язык, выполненный Э. Бромфилдом. В качестве методов использовались общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также частнонаучный метод описания.

Результаты и обсуждение. Бестселлер В. Пелевина «Generation „П“» существует в рамках парадигмы постмодернизма, для которого характерны интертекстуальность, цитатность, многоуровневость текстовой организации, стиливой синкретизм, а также целый ряд других аспектов. Однако даже на фоне разнородных общежанровых характеристик роман привлекает внимание особой эклектичностью, потенциальной неоднозначностью восприятия, игрой слов, обилием цитат и аллюзий. Перечисленные аспекты определяют специфику идиостиля В. Пелевина, характеризующегося конвергенцией выразительных средств и стилистических приемов, обилие и разноплановость которых представляют серьезную задачу для переводчика. С целью анализа передачи наиболее значимых компонентов идиостиля В. Пелевина рассмотрены репрезентативные фрагменты текста, в которых специфика авторского почерка реализуется особенно наглядно.

Заключение. Обнаруженные погрешности передачи некоторых компонентов идиостиля В. Пелевина Э. Бромфилдом, возможно, связаны с неполнотой понимания многоаспектности оригинального текста, нагруженного лингвистическими средствами, приемами художественной выразительности и культурными отсылками, характеризующими авторский почерк В. Пелевина, в рамках парадигмы русского постмодернизма. Наиболее заметным упущением для передачи авторского идиостиля можно считать решение о нулевом переводе англоязычных фрагментов текста, а также нейтрализацию просторечного статуса целого ряда идиом, что отчасти затушевывает полную картину стилистического ландшафта романа.

Ключевые слова: идиостиль, В. О. Пелевин, постмодернизм, перевод, иноязычные вкрапления, аллюзии, просторечия

Для цитирования: Сидаш В. В., Крицкая Н. В. Особенности передачи идиостиля В. Пелевина в английском переводе романа «Generation „П“» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 4 (222). С. 34–40. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-34-40>

FEATURES OF V. PELEVIN'S IDIOSTYLE IN ENGLISH TRANSLATION OF "GENERATION "P"»

V. V. Sidash¹, N. V. Kritskaya²

^{1,2} *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *vsidash@gmail.com*

² *nadia66@mail.ru*

Abstract

Introduction. Relevance of the research is determined by the interest of modern linguistics and translation science in search of effective ways of preserving author's individual style in translation.

© В. В. Сидаш, Н. В. Крицкая, 2022

Aim and objectives. The present paper attempts to discuss A. Bromfield's ways and decisions to render the principal features of V. O. Pelevin's individual style in "Generation P" postmodernist novel.

Materials and methods. The research is based on two text sources: the Russian original text of "Generation P" by V. Pelevin and its English version "Homo Zapiens" (transl. A. Bromfield). The methods applied are general scientific (observation and description) and linguistic (text analysis, comparative analysis).

Results and discussion. Rendering of author's idiostyle features is one of the basic tasks of literary translation. Novel "Generation P" by V. Pelevin's, marked by intertextuality and syncretism of style and narration characteristic of Russian postmodernist paradigm, strikes the reader with own specific eclecticism, word play, multi-layered picture of reality, plentiful quotations and allusiveness. The challenging attempt of Russian-English literary translation by British interpreter A. Bromfield, trying to restore V. Pelevin's idiostyle principal features manifested in plexus of expressive means and stylistic devices, is discussed in the article.

Conclusion. In authors' view, some minor flaws in rendering of V. Pelevin's idiostyle may be caused by incompleteness of comprehension of "Generation P" text, loaded by multifaceted linguistic affluence of style. The most sensitive omission for the author's idiostyle is probably zero translation of English insertions as principal features of Pelevin's bilingual narration, as well as the decision to neutralize some colloquialism.

Keywords: *idiostyle, V. Pelevin, postmodernism, translation, foreign language insertions, allusions, colloquialism*

For citation: Sidash V. V., Kritskaya N. V. Osobennosti peredachi idiostilya V. Pelevina v angliyskom perevode romana "Generation P" [Features of V. Pelevin's Idiostyle in English Translation of "Generation P"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 4 (222), pp. 34–40. (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-4-34-40>

Введение

Художественная литература является не только носителем фактической информации, но и своеобразным культурным впечатком, отражающим ценности и реалии своей страны и эпохи. Наряду с этим, художественные произведения отображают ход мысли, видение мира и идеи конкретного автора, воплощенные в тексте при помощи лингвистических средств, и, как результат, отличаются большим стилистическим своеобразием.

Однако именно это разнообразие может стать проблемой при переводе литературных текстов, поскольку, наряду с объективной проблемой передачи лингвистических и культурологических аспектов произведения иноязычной литературы, переводчик сталкивается с гораздо более серьезной задачей корректной передачи индивидуального стиля автора текста.

Идиостиль представляет собой систему фактических и формальных характеристик, присущих произведениям конкретного автора. Совокупность языковых и стилистических особенностей делает каждое произведение уникальным, почерк автора – узнаваемым, и задача переводчика при работе с художественным текстом состоит в передаче этой авторской самобытности средствами иного языка.

Актуальность данной работы определяется необходимостью сохранения в переводе индивидуального авторского стиля как важнейшей характеристики художественного текста.

Целью исследования является выявление способов воспроизведения индивидуального стиля В. О. Пелевина при переводе романа «Generation „П“» с русского языка на английский.

Материал и методы

Материалами исследования послужили текст романа В. О. Пелевина «Generation „П“» [1] и его перевод, выполненный Эндрю Бромфилдом [2]. В работе использовались общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, а также частнонаучный метод описания.

Результаты и обсуждение

Изучение индивидуально-авторского стиля занимает особое место в вопросе о художественном стиле речи, однако сам термин «идиостиль» по-разному определяется исследователями данного феномена. Так, С. Я. Ермоленко считает, что идиостиль – это «система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям отдельного автора», делающая «уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [3, с. 112]; М. П. Котюрова определяет идиостиль как «совокупность речетекстовых характеристик отдельной языковой личности» [4, с. 96]; М. Н. Кожина в свою очередь определяет данное понятие как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя» [5, с. 95].

Несмотря на отсутствие общепринятого понятийного аппарата, большинство лингвистов сходятся во мнении, что идиостиль представляет собой совокупность индивидуальных художественных средств выражения творческой языковой личности, передача которых является одной из важнейших и в то же время сложнейших задач при переводе художественного текста.

Среди существующих подходов к изучению идиостиля наиболее традиционным является семантико-стилистический подход В. В. Виноградова [6, с. 314], в рамках которого проводится семантический анализ лексических единиц и изучаются их формы реализации у конкретного автора. Наиболее же новым и перспективным можно считать коммуникативно-деятельностный подход, в основе которого лежит концепция языковой личности [7, с. 36–41], где идиостиль рассматривается как интегральное понятие, отражающее особенности личности, проявляющиеся в ее деятельности, связанной с созданием текстов, их восприятием и интерпретацией [8, с. 151].

Помимо использования разнообразных средств выразительности, авторы художественных текстов обращаются к определенным приемам на фонографическом, лексическом и синтаксическом уровнях, а также на уровне всего текста, например, к использованию вокабуляра разных регистров речи, стилистически релевантному построению предложений, авторской пунктуации и делению на абзацы и пр. Таким образом, идиостиль создается текстовыми средствами на всех уровнях языка (фонетика, графика, орфография, пунктуация, морфология, лексика, синтаксис, стилистика), а также при помощи культурных отсылок (особенно характерных для постмодернистского дискурса). Вслед за М. Н. Макеевой [9, с. 151] и Е. Н. Лучинской [10, с. 78] назовем актуализированные средства текстообразования, реализованные в конкретном речевом произведении, маркерами; согласно уровням языка, их можно разбить на стилистические, лексико-семантические, фонетические, графические, лексико-синтаксические и культурно значимые.

Такое многообразие маркеров авторского идиостиля обуславливает трудности их всеобъемлющей передачи при переводе художественного текста.

Рассматриваемый в качестве фактического материала роман В. О. Пелевина «Generation „П“» принадлежит к жанру постмодернистской литературы как самостоятельное явление, сложившееся в России в конце XX в. [11, с. 47]. Одной из главных жанровых особенностей постмодернизма являются свойства не содержания, а формы: специфика композиции, использование языка, стилистическое наполнение. Кроме того, для постмодернизма характерно смешение временных пластов повествования и эклектичность идеологических парадигм [12, с. 11].

В целом в русском постмодернизме выделяют следующие черты: интертекстуальность и осознанная цитатность; пародирование и самопародирование; ирония; многоуровневая организация текста; частотность игры слов; включение читателя (читательское сотворчество); фрагментарность, «мон-

тажность» текста; жанровый и стилевой синкретизм; театральность, работа на публику [13]. Анализируя текст «Generation „П“», можно сказать, что именно жанровая принадлежность романа во многом определяет идиостиль его автора; однако особенности реализации почерка Пелевина внутри жанровой парадигмы настолько самобытны, что выходят за общие рамки даже такого пестрого и всеохватывающего явления, как постмодернизм. В частности, на фоне общежанровых характеристик исследуемый роман привлекает внимание неоднозначностью названия, смешением жанров, стилевой эклектичностью, потенциальной многоплановостью восприятия, очевидной интертекстуальностью, обилием цитат и аллюзий, нарочитой «перевернутостью» изображаемого мира [14, с. 214].

Перечисленные аспекты не только позволяют причислить роман «Generation „П“» к жанру постмодернизма, но и определяют специфику идиостиля В. Пелевина, который характеризуют:

- на стилистическом уровне: метафоры, эпитеты, художественные сравнения, гиперболизация;
- на лексико-семантическом уровне: каламбуры, оксюмороны, авторские окказионализмы, переосмысление афоризмов и идиом, ирония;
- на лексико-синтаксическом уровне: грамматическая недооформленность, открытость предложений, ассоциативность повествования, различные виды повторов (эпифора, анафора, хиазм и др.);
- на фонетически-интонационном уровне: игра слов на основе омофонии;
- на культурно значимом уровне: аллюзии, цитаты, интертекстуальность, иноязычные вкрапления, обильное включение лексики, отражающей реалии описываемого временного периода;
- на графическом уровне: использование различных шрифтов (например, заглавных букв), нарочитые нарушения орфографии.

Очевидно, что такое обилие и разноплановость лингвистических средств и стилистических приемов, в огромном количестве переплетающихся и конвергирующих в едином тексте, представляют собой серьезную задачу для переводчика, пытающегося воспроизвести эту многокомпонентность при помощи средств иного языка; однако роман Пелевина неоднократно переводился на большинство языков Европы. В частности, англоязычному читателю «Generation „П“» представил Эндрю Бромфилд – по мнению критиков, один из лучших современных русско-английских переводчиков беллетристики, обладающий «абсолютным литературным слухом» [15]. Рассмотрим некоторые фрагменты оригинального и переводного текстов, характерные с точки зрения стратегии передачи Э. Бромфилдом индивидуального авторского стиля В. Пелевина.

Как упоминалось выше, чрезвычайно частотным приемом В. Пелевина является эклектичное сочетание лексики из различных стилистических пластов, что позволяет не только создать комедийный контраст и передать иронию автора по отношению к описываемой в романе массовой рекламной культуре, но и отражает реалии заданного временного периода – эпохи 1990-х. Например:

Еще он заметил секретаршу Азадовского Аллу, занятую разговором с двумя пожилыми плейбоями, – из-за распушенных белесых волос она походила на немного грешную медузу.

He also spotted Azadovsky's secretary Alla, engaged in conversation with two elderly playboys - her loose washed-out blonde hair made her look like a slightly debauched Medusa.

В данном фрагменте присутствует очевидное столкновение стилистически противоположных регистров: разговорного «плейбой» – модного заимствования, характерного для описываемой эпохи 1990-х, и книжной отсылки к греческой мифологии «медуза» (дополненного стилистически контрастным и поэтому юмористичным эпитетом «грешная»). Лексема «плейбой» переведена транслитерацией, поскольку данное слово является заимствованием из английского – языка перевода (далее – ЯП), сравнение и аллюзия на греческий миф переданы при помощи синтаксического уподобления.

Следующее его появление всем известно – это Степан Разин на Лобном месте в монументальном клипе для шампуня «Head and Shoulders» (слоган «Снявши голову, по волосам не плачут»).

His next appearance is one familiar to everybody, as Charles I in the monumental ad for the shampoo Head and Shoulders.

Аллюзия на персонажа русской истории, сложившего голову на Лобном месте, распознается переводчиком, который вместо мятежного казака Степана Разина предлагает английским читателям более близкую историческую фигуру – мятежного монарха Карла I; поскольку оба исторических деятеля были обезглавлены (что принципиально для слогана шампуня «Head and Shoulders»), функциональная замена представляется органичной и оправданной. Однако вследствие урезания самого слогана для «монументального» клипа – пословицы, приобретающей в оригинальном контексте каламбурное и достаточно циничное звучание, – стилистическая нагруженность пассажа значительно снижается. Вместе с тем взаимодействие различных лексико-семантических пластов – *монументальный клип*, трагическая судьба исторического деятеля как основа для тривиальной рекламы шампуня – в английском переводе присутствует.

В целом в романе часто встречаются аллюзии самого разного характера – религиозные, библейские, мифологические сюжеты (*Валгалла, горящий куст, яблоко порока, авгиевы конюшни, ветхозаветный Адам, пророк Иезекииль, страшный суд, вавилонская башня* и др.), исторические лица и события (*Битлз, система Станиславского, роман Стивена Кинга, слова Оскара Уайльда, Чарли Мэнсон, молодой Троцкий* и др.), научные феномены и теории (*нищиеанство, фрейдизм* и др.), другие художественные произведения и кинофильмы (*сериал «Стар Трек», роман «1984», пьеса А.С. Грибоедова «Горе от ума», фильм «Hellraiser»* и др.); кроме того, текст содержит большое количество культурных отсылок, описывающих Россию и россиян периода «лихих 90-х»: *братки, яркие иномарки, аэробус «Икарус», лимонки, совок, метро* и др. Эклектичность и кажущаяся беспорядочность таких отсылок используются автором не только с целью погружения читателя в живую обстановку описываемого времени, но и для создания эффекта характерной для постмодернизма интертекстуальности наряду с намерением привлечения читателей из разных слоев общества. В этом отношении уместно процитировать исследователей феномена переводимости М. Н. Нестерову и Ю. К. Попову, по слову которых основной задачей переводчика постмодернистского текста, «сотканного из чужих текстов», является «распознавание разного рода типов интертекстуальных связей, их дешифровка и передача» на языке перевода [16]. При этом вполне естественно, что характер таких интертекстуальных связей, не всегда осознаваемый в том числе русскоязычным читателем, переводчику, даже глубоко знакомому с советской и российской культурой, распознать и/или воспроизвести удастся далеко не всегда. Рассмотрим несколько характерных примеров.

Оно (= знание) расшифровывалось для него словами Марины Цветаевой: «Разбросанным в пыли по магазинам (Где их никто не брал и не берет!), Моим стихам, как драгоценным винам, Настанет свой черед».

The feeling had been decoded for him by the words of Marina Tsvetaeva: 'Scattered along the dusty shelves of shops (No one has bought them and no one buys!) My poems, like precious wines, will have their day'.

Фрагмент, содержащий строки из известного стихотворения М. Цветаевой с указанием авторства, самостоятельно переведен Э. Бромфилдом (несмотря на достаточное количество прочих переводов) при помощи калькирования и функциональной замены. Переводчик бережно воспроизводит если не характер рифмы (которая преобразуется во внутреннюю), то общую структуру и стопность

цветаевских строк, сохраняя как прагматику, так и стилистический облик оригинала.

Единственным сомнительным эхом этого слогана в заснеженном рекламном пространстве Москвы оказалась фраза «С корабля на бал», взятая неизвестным коллегой Татарского у того же Грибоедова.

The only dubious echo of the slogan left in the snowbound advertising space of Moscow was the phrase: 'From ship to ball', another borrowing – by an unknown colleague of Tatarsky's – from the poet Griboedov.

Приведенный пассаж является еще одним образчиком вышеописанной тенденции перевода: калька *'From ship to ball'* сопровождается указанием на автора цитаты, который в английском варианте получает обоснованное расширение: *Грибоедов – poet Griboedov*.

Однако Пелевин далеко не всегда облегчает работу переводчика наличием прямых отсылок на источник аллюзии, и такие случаи труднее распознаются как аллюзивные, например:

Да и то – недели две, не больше. Элементарно, Ватсон.

And you've only been there a couple of weeks at most.

Очевидно, что Ватсон в оригинале – не столько персонаж рассказов А. Конан Дойла, соотечественника Э. Бромфилда, сколько киногерой цикла советских фильмов начала 1980-х, благодаря которому фраза обрела популярность; возможно, поэтому аллюзия опускается переводчиком.

Сначала его внимание привлек большой плакат с Антонио Бандерасом в голливудском шедевре «Степан Бандера».

At first his attention was caught by a photograph of Antonio Banderas in the Hollywood masterpiece Stepan Banderas.

Как видим, и эта аллюзия утеряна в английском тексте (несмотря на транскрибирование-уподобление), за счет чего каламбур Бандера/Banderas теряет большую часть своей юмористичности.

Однако в основном каламбуры, в избытке представленные в оригинальном тексте, компенсируются средствами английского языка, например:

Работа была free lance – Татарский переводил это выражение как «свободный копейщик», имея в виду прежде всего свою оплату.

The work was 'freelance' – Tatarsky used the term as though it still had its original sense, having in mind first of all the level of his pay.

Данный фрагмент иллюстрирует конвергенцию нескольких характерных для идиостиля В. Пелевина приемов: аллюзию на историческую военную профессию, иноязычное вкрапление, каламбур. Поскольку оригинальную игру слов – «копейщик»

от слова «копейка» – применительно к зарплате объективно невозможно сохранить средствами английского языка, Э. Бромфилд остроумно строит английский вариант каламбура на восстановлении исходного значения лексемы *freelance*, переданной через нулевой перевод, сохраняя идиостиль и интенцию автора.

Последний пример также является образчиком иноязычия в русском тексте, фрагменты которого рассыпаны на протяжении всего романа, поскольку герой В. Пелевина – один из первых постсоветских локализаторов Вавилен Татарский – трудится «на ниве» рекламного бизнеса, адаптируя англоязычную рекламу для русского потребителя. Контраст включения английских слов в бытовой контекст, их появление в совершенно неожиданных местах и неуместных ситуациях придает оригинальному повествованию комедийный, гротескный эффект:

message был ясен – message was crystal clear;

stitching, clean-up и так далее – stitching, clean-up, and so on;

так называемый черный PR, или, как полностью произносил Ханин, «black public relations» – so-called 'black PR', or as Khanin pronounced it in full: 'black public relations';

пронзительные cover stories – revelatory cover stories.

Такие вкрапления, чрезвычайно характерные для идиостиля В. Пелевина, в английском переводе теряются в результате переноса в ЯП через нулевой перевод; англоязычный читатель воспринимает их не как нечто чужеродное, а как часть сплошного текста, что нарушает стилистическую целостность и восприятие текста романа за счет элиминации одного из самых ярких приемов авторского повествования. Приведем еще один пример такого элиминирования, совершенно нейтрализовавшего комический эффект целого пассажа:

Я хотел спросить тебя как представителя target group: какие ассоциации вызывает у тебя слово «парламент»?

I wanted to ask you, as a representative of the target group: what associations does the word "parliament" have for you?

Иным частотным приемом, характеризующим идиостиль В. Пелевина, является употребление, а чаще переосмысление и развитие идиом (главным образом просторечных), при переводе которых Бромфилд прибегает к ряду стратегий:

А я пойду – тут труба вовсю зовет.

But I've got to be going – the bugle's sounding loud and clear.

В данном предложении патристичный призыв «труба зовет!», пафос которого снижен просторечным наречием «вовсю», переведен при помощи функциональной замены – цитаты из церковного

гимна 'To the Battle Front!' – стилистически неуместного в разговорной ситуации и поэтому вполне компенсирующего оригинальный смысл на фоне общей эклектичности пелевинского текста. Однако нередко просторечный характер идиоматики становится камнем преткновения для переводчика, выбирающего нейтральный аналог для передачи стилистически сниженных устойчивых словосочетаний, например:

1. *Когда он трезвый, его всегда жаба душит.*
When he sobers up, he gets greedy.

2. «Почему у него имя такое странное?» «Знаешь, Вавилон», – сказал Азадовский, садясь за стол, – «чья бы корова мычала, а твоя б молчала».

'Why does he have such a strange name?' - 'You know what, Babylen,' said Azadovsky, sitting back down in his chair, 'Rostropovich could ask you the same thing.'

В обоих случаях просторечные идиоматические выражения («жаба душит», «чья бы корова мычала») воспроизводятся путем функциональной замены с нейтрализацией эмпазы, в результате чего теряется разговорная эмоциональность и стилистическая окраска высказывания. Подобное решение – нейтрализация просторечных фразеологических единиц с результирующим снижением комического эффекта и нивелированием стилистиче-

ской разнородности повествования – является частотным выбором Э. Бромфилда в аналогичных ситуациях.

Заключение

Резюмируя, можно отметить, что при анализе передачи некоторых особенностей идиостиля В. Пелевина на английский язык были выявлены погрешности, возможно, связанные с неполнотой комплексного понимания всех аспектов оригинального текста, объективно затрудненного обилием, пестротой и разнохарактерностью лингвистических средств, приемов художественной выразительности и разнородных отсылок. Вместе с тем, несмотря на отдельные (в некоторых случаях, возможно, осознанные) упущения, в целом Э. Бромфилд справляется с задачей передачи сложного и многокомпонентного идиостиля В. Пелевина. На наш взгляд, самым серьезным упущением является потеря характерного для авторского идиостиля двуязычия через нулевой перевод англоязычных вкраплений, наряду с нейтрализацией определенного объема просторечной идиоматики, за счет чего английский читатель получает несколько купированное представление о стилистической наполненности оригинального текста романа.

Список источников

1. Пелевин В. О. Generation „П“. Москва: АСТ, 2015. 352 с.
2. Pelevin V. O. Homo Zapiens. Translated by A. Bromfield. New York: Penguin Books, 1999. 132 p.
3. Ермоленко С. Я. Очерки словесности (стилистика и культура речи). Краснодар: Доверие, 1999. 304 с.
4. Котюрова М. П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта, 2003. С. 95–99.
5. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. 2-е изд. М.: Флинта, 2011. 464 с.
6. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Госиздат, 1961. 616 с.
7. Леденёва В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. 2001. № 5. С. 36–41.
8. Болотнова Н. С. Варьирование идиостиля публичной языковой личности в медиатекстах разных жанров // Сибирский филол. журнал. 2015. Вып. 1. С. 150–158.
9. Макеева М. Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия. Тверь, 2000. 329 с.
10. Лучинская Е. Н. Постмодернистский дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2002. 158 с.
11. Галинская И. Л. Постмодернизм в русской литературе // Вестник культурологии. 2001. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-v-russkoy-literature> (дата обращения: 11.04.2022).
12. Butler Ch. Postmodernism. A very short introduction. Oxford University Press, 2022. 140 p.
13. Журавлев С. Постмодернизм в литературе // Проза.ру. URL: <http://www.proza.ru/2010/07/05/891> (дата обращения: 21.04.2022).
14. Павловская О. Е., Зими́на Н. Ю. Специфика орнаментального идиостиля постмодернизма (на примере романа В. Пелевина «Generation „П“») // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 215–218.
15. Вайшвилайне Л. Translated by Andrew Bromfield // ExLibris. 29 мая 2003. URL: https://www.ng.ru/kafedra/2003-05-29/3_bromfield.html (дата обращения: 21.04.2022).
16. Нестерова Н. М., Попова Ю. К. О специфике перевода постмодернистских художественных текстов (на материале произведений А. Байетт и их переводов на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (67), ч. 2. С. 151–157.

References

1. Pelevin V. O. *Generation "P"*. Moscow, AST Publ., 2015. 352 p. (in Russian).
2. Pelevin V. O. *Homo Zapiens*. New York, Penguin Books, 1999. 132 p.
3. Yermolenko S. Ya. *Ocherki slovesnosti* [Essays on linguistics]. Krasnodar, Doveriye Publ., 1999. 304 p. (in Russian).
4. Kotyurova M. P. Idiostil' [Idiostyle]. *Stilisticheskiiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. M. N. Kozhina. Moscow, Flinta Publ., 2003. Pp. 95–99 (in Russian).
5. Kozhina M. N., Duskayeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 464 p. (in Russian).
6. Vinogradov V. V. *Problema avtorstva i teoriya stiley* [The problem of authorship and theory of styles]. Moscow, Gosizdat Publ., 1961. 616 p. (in Russian).
7. Ledenyova V. V. Idiostil' (k utocnениyu ponyatiya) [Idiostyle (to clarify the concept)]. *Filologicheskiye nauki – Philology. Theory and Practice*, 2001, no. 5, pp. 36–41 (in Russian).
8. Bolotnova N. S. Var'irovaniye idiostilya publichnoi yazykovoi lichnosti v mediatekstah raznykh zhanrov [Variation of idiostyle of linguistic personality in media texts of different genres]. *Sibirskiy filologicheskiiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 1, pp. 150–158 (in Russian).
9. Makeeva M. N. *Ritorika khudozhestvennogo teksta i eyego germeneyticheskiye posledstviya* [Rhetoric of the literary text and its hermeneutic consequences]. Tver, 2000. 329 p. (in Russian).
10. Luchinskaya E. N. *Postmodernistskiy diskurs: semiologicheskiiy i lingvokulturologicheskiiy aspekty inetrpretatsii* [The discourse of postmodernism: semiological and linguo-cultural aspects of interpretation]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2002. 158 p. (in Russian).
11. Galinskaya I. L. Postmodernizm v russkoy literature [Postmodernism in Russian literature]. *Vestnik kul'turologii*, 2001, no 2 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernizm-v-russkoy-literature> (accessed 11 April 2022).
12. Butler Ch. *Postmodernism. A very short introduction*. Oxford University Press, 2022. 140 p.
13. Zhuravlyov S. Postmodernizm v literature [Postmodernism in literature]. *Proza.ru* (in Russian). URL: <http://www.proza.ru/2010/07/05/891> (accessed 21 April 2022).
14. Pavlovskaya O. Ye., Zimina N. Y. Spetsifika ornamental'nogo idiostilya posmodernizma (na primere romana V. Pelevina "Generation "P"") [Specifics of ornamental idiostyle of postmodernism (on the example of "Generation "P"") by V. Pelevin]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye – The Bulletin of the Adyghe State University, Series Pedagogy and Psychology*, 2012, vol. 2, no. 2, pp. 215–218 (in Russian).
15. Vaishvilaine L. Translated by Andrew Bromfield. *ExLibris*, 29 May 2003 (in Russian). URL: https://www.ng.ru/kafe-dra/2003-05-29/3_bromfield.html (accessed 21 April 2022).
16. Nesterova N. M., Popova Yu. K. O spetsifike perevoda posmodernistkikh khudozhestvennykh tekstov (na materiale proizvedeniy A. Bayett i ikh perevodov na russkii yazyk [On specifics of translation of postmodernist fiction (on the example of A. Bayett's prose in Russian translation)]. *Philologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2017, no. 1(67), vol. 2, pp. 151–157 (in Russian).

Информация об авторах

Сидаш В. В., студент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Крицкая Н. В., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Sidash V. V., undergraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Kritskaya N. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 01.05.2022; принята к публикации 01.06.2022

The article was submitted 01.05.2022; accepted for publication 01.06.2022